

И. Л. Честнов¹**ГЛОБАЛЬНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ В МИРЕ
И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ПРАВЕ**

Глобализация — сложный и противоречивый феномен, изменивший все стороны жизни человечества. Именно глобализация обуславливает приход постсовременности, которая представляет собой новую историческую и социокультурную эпоху, отличающуюся новым — постиндустриальным — типом экономики, политики и социальной сферы. Однако наиболее важные изменения, как представляется, произошли (и продолжают происходить) в сфере культуры. Именно культурные трансформации именуется «ситуацией постмодерна» и определяют содержание постсовременной социальности как таковой.

Изменения культуры постсовременности выражаются в новой картине мира и, собственно говоря, в признании новой роли знаково-дискурсивных практик в воспроизводстве социальности. Картина мира эпохи постмодерна строится как конструируемый, интересубъективный, знаково опосредованный, человеко-размерный, постоянно изменчивый ситуативный образ. Более того, сам мир превращается в картину мира, так как реальным становится и является только то, что воспринимается как реальное. Поэтому господствующие социальные представления не просто образуют содержание постсовременной картины мира, но формируют саму социальность.

Имманентность риска связана с онтологической стохастичностью, неустойчивостью, контингентностью мира, а также с ограниченностью наших знаний о нем, а потому — с принципиальной непредсказуемостью социальной эволюции. Так как наша жизнь в значитель-

ной ее части протекает в юридической форме (трудно назвать какую-либо сферу общества или жизнедеятельности, которая не была бы урегулирована правом), риск имманентен правовой реальности. Одним из проявлений риска как онтологического и гносеологического измерения правовой реальности является *неопределенность права*, имеющая несколько сторон.

Первым аспектом неопределенности права является онтологическая многогранность, стохастичность и гносеологическая контингентность правовой реальности. Право, как и любое социальное явление, не дано нам как некая вещь или стабильный процесс, как некая объективно существующая данность. Бытие права интересубъективно, оно конструируется социальными представлениями. Отсюда следует отсутствие одной единственно верной точки зрения на право. Неизбежная множественность социальных представлений о праве порождает исторический и социокультурный контекстуализм и релятивизм, тем самым постулируя неопределенность права (конечно, не абсолютную, но относительную). Одновременно онтологическая неопределенность права связана с противоречием между перманентной изменчивостью социальной жизни и стремлением к ее формализации. Законодательное закрепление общественных отношений предполагает их хотя бы относительную устойчивость, а как следствие — стабильность нормативного материала (что и выражает значение слова «определенность»). Однако современный мир неустойчив. Более того, социальные изменения в современном информационном глобализирующемся мире протекают с гораздо большей быстротой, чем в недавнем прошлом.

Второй аспект неопределенности права состоит в ограниченности возможностей его формализации. Такая ограниченность следует из принципа невозможности полной формализации любой аксиоматической

¹ Профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ. Автор более 400 публикаций, в т. ч.: «Постклассическая теория права», «Теория государства и права», «История и методология юридической науки», «Постклассическая онтология права», «Социокультурная антропология права» и др.

системы (множества) или из ограничительных теорем К. Геделя. Стремление формализовать право витало в умах просветителей в «золотой век» кодификации законодательства. Одним из мифов современного юридического мышления («мифом позитивного права», по терминологии Н. Рулана) является вера в полноту и непротиворечивость законодательства (форм нормативности права).

Невозможность полной и непротиворечивой кодификации законодательства связана с тем, что не существует формальных систем, которые были бы одновременно полными (завершенными) и непротиворечивыми. Этот постулат первой ограничительной теоремы К. Геделя нельзя не принимать во внимание при анализе возможностей конструирования законодательства¹.

Проблема формализации законодательства состоит также в том, что любое определение (а нормативный материал не может обходиться без дефиниции) не может быть полным и исчерпывающим: оно неизбежно приводит либо к регрессии в бесконечность, либо к тавтологии. Уже И. Бентам признал, что общий (классический) метод определения юридических терминов несостоятелен. «Среди подобных абстрактных терминов мы вскоре приходим к таким, для которых отсутствует более общая родовая категория. Определение *per genus et differentiam* в случае его применения к указанным терминам не может обеспечить никакого продвижения вперед... Его также недостаточно для того, чтобы определить предлог или союз... „через“ — это... „потому что“ — это... и так далее»².

Следующая проблема определенности как формализуемости законодательства связана с тем, что одни его элементы логически не выводятся из других (как дедуктивно, так и индуктивно)³. Так, из одного принципа права делаются разные, значительно различающиеся выводы законодательного плана. Например, из принципа разделения властей следуют четыре разные формы правления — организации высших органов государственной власти, основанной на данном принципе (президентская и парламентская республики, смешанная и конституционная монархии). Из принципа независимости суда следует несколько вариантов организации судостройства. Одновременно невозможно обосновать логическую однозначность связи

принципа права с его законодательной конкретизацией и практическим воплощением на уровне правоприменения (реализации права). То же самое касается «сводимости» прав человека к конкретной системе их реализации: право на образование или медицинское обслуживание может быть реализовано в разных вариантах. Более того, между принципами права всегда существует конкуренция, которая не имеет универсальных рациональных оснований разрешения: невозможно разрешить все случаи коллизии права наций на самоопределение и территориальной целостности государства, права на информацию или свободу передвижения и безопасность и т. д.

Еще одной проблемой неопределенности права, понимаемого как многогранное явление, в обязательном порядке включающее воспроизводимость правил поведения в юридически значимых практиках, является неформализуемость человеческого поведения. Право в действии (реализация права) существует через «прочтение» знака (формы внешнего проявления права) и стимулирует (а через механизм интериоризации — и мотивирует) поведение человека. Другими словами, формальная определенность права существует только вместе с ее интерпретацией людьми и образует текстурность в постструктуралистском смысле. Одновременно приходится констатировать, что нет исчерпывающе полного механизма реализации норм права в связи с проблемой «следования правилу». Действие права — это всегда практики людей, «нагруженные» мотивацией. А мотивация всегда является принципиально вероятностной и не может быть калькулируема внешним наблюдателем. Право реализуется через толкование, а интерпретация права включает личностное измерение права, которое противится любой формализации.

Изложенное дает основания для заключения, сделанного в свое время Г. Хартом: «Какой бы механизм, прецедент или законодательство ни выбрать для сообщения образцов поведения, они, как бы гладко ни работали среди огромной массы обычных случаев, окажутся в некоторый момент, когда их применение будет под вопросом, неопределенными: они будут обладать тем, что терминологически выражается как *открытая структура*»⁴.

Таким образом, в связи со сказанным возникает неопределенность в категоризации, классификации и квалификации социальной и правовой реальности. Приходится констатировать, что в ситуации «постмодернити» невозможно дать однозначную оценку, в том числе юридическую, сложного социального явления или процесса. Так, например, действия, направленные на защиту государственного суверенитета другой стороной (с позиции другого «наблюдателя»), могут быть оценены как нарушение права нации на самоопределение,

¹ Первая теорема Геделя о неполноте показала — пишет Я. Хинтиikka, — что «любая аксиоматизация элементарной арифметики неполна, так как в ней всегда найдется такое предложение G, что ни его утверждение, ни его отрицание не будут доказуемы в рамках данной системы аксиом» (Хинтиikka Я. О Геделе. М., 2014. С. 60). То, что «Геделевская теорема о полноте обычной первопорядковой логики не может быть распространена на... более сильные логики», не отменяет общего вывода: «Этот результат вполне заслуженно считается одним из наиболее важных и вызывающих открытий в науке XX века, сравнимых с теорией относительности Эйнштейна и принципом неопределенности Гейзенберга» (там же. С. 67, 11).

² Bentham A. Fragment on Government. Ch. V. Note 6 (цит. по: Касаткин С. Н. Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта: моногр. Самара, 2014. С. 382–383).

³ Системный подход постулирует зависимость элементов от системы, но отрицает их логическую выводимость: из гештальта невозможно вывести «фактические детали его составных частей. Они не даны без гештальта, но логически не следуют из него. Они должны устанавливаться» (Агасси Э. Научная объективность и ее контексты. М., 2017. С. 630).

⁴ Харт Г. Л. А. Понятие права. СПб., 2007. С. 130. Р. Алекси называет это зоной неопределенности позитивного права: «Таким образом, можно говорить о „зоне неопределенности“ позитивного права, которая в той или иной степени присутствует в каждой правовой системе. Случай юридической практики, попадающий в зону неопределенности позитивного права, можно назвать „сложным случаем или сложным судебным делом“» (Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму). М., 2011. С. 87).

гуманитарная интервенция при массовом нарушении прав человека другими может быть признана вторжением во внутренние дела государства, то есть посягательством на государственный суверенитет и т. п. Неустранимость субъективности позиции наблюдателя, вытекающая из принципа дополнительности, не дает возможности описать и объяснить (квалифицировать) такого рода ситуации одним единственно правильным способом.

Изложенное дает основание констатировать, что принцип формальной определенности права в пост-современном глобально нестабильном мире — идеал, который в современных условиях недостижим. Это не означает признания необходимости отказа от этого краеугольного положения. Скорее, все изложенное свидетельствует о необходимости более пристального внимания научного сообщества к данной проблеме.